

**Игрушка,
или Последний прыжок «Ягуара»**

Из цикла «Дурацкие рассказы. Из старых времен»

Сквозь маленькое таежное село – так оно и называется: Таежное, - протекает речка, тоже маленькая и одноименная. Через нее перекинут деревянный мостик, узкий, на две машины не хватит, поэтому при встрече одному приходится уступать. Хотя встречи бывают редко: машин в селе немного. Если приглядеться, нетрудно обнаружить, что одно звено деревянного ограждения новее остальных. Оно было сломано и поставлено заново. И на нем – маленькая фанерная табличка, уже успевшая почернеть от дождей, приколоченная гвоздями. На табличке выжжено:

«Я лежу под спудом вод.

Надо мной река течет.

Под мостом стоят овечки –

пить пришли из этой речки.

Им совсем уже не страшно:

красный «ягу» - день вчерашний».

Кто из местных словоплетов, когда и зачем написал это, зачем выжег на фанере и кому посвящен этот «опус», знают только местные. Их все меньше. Но если спросишь – расскажут охотно.

1

Село Таежное расположено в распадке, с одной стороны – отвесные скалы, с другой – пологие склоны, заросшие тайгой. Предгорья, отроги Кузнецкого Алатау. Село вытянуто вдоль распадка, построено в одну улицу, есть еще несколько поперечных, есть и продольные – куцые и узкие. Скорее, проулки, чем улицы. Здесь кончается Область, начинается Край.

Здесь живут люди.

Их немного. Раньше село было большое, в несколько сотен дворов, в заповедные времена стояла церковь, был свой – не приезжий – настоятель, прихожане собирались не только из Таежного, но из соседних деревень – из Края и Области. Церковь, конечно, в большевистские разгульные времена порушили, но и в новые, покаянные, не восстановили.

Церковь – что ж, склониться главой, повиниться да открыть душу можно и перед домашним алтарем... Работал здесь прежде большой леспромхоз, была лесопилка, за лесом и досками приезжали отовсюду, брали помногу. Село тем и кормилось. Еще заготавливали: грибы, ягоды, по весне – папоротник-орляк, черемшу, того и другого здесь и сегодня – немеряно. Сдавали в обл- или крайпотребсоюз. Леспромхоз давно не работает, технику растащили по дворам, оборудование на лесопилке покурочили, часть разобрали: раз никому не нужно – сгодится в хозяйстве. Потребсоюзы свои пункты тоже закрыли – не потому, что продукция не нужна, просто собирательством таежным заниматься больше некому. Людей в селе мало. Кто поумней и посмекалистей, уехал отсюда тогда еще, когда дом, в котором жили, чего-то стоил и его было – кому продать. После стали уезжать молодые в поисках работы и жизненных перспектив. Остались те, кому бежать некуда, одна забота: дожидаться старости, пенсии и смерти. На пенсию и жили, ну и еще воровали лес иногда, когда появлялся покупатель. Воровством это трудно назвать: заповедная тайга росла бесприютно, дичала, лесников на нее не было давно, и у кого воровали браконьеры спиленные деревья – вопрос. На него и власть ответа не знала. Она, власть, иногда наезжала, делала шум, грозила санкциями – тем дело и кончалось. Ни вины не было, ни виновных.

Но и воровством оставшиеся жители занимались как-то лениво, вынужденно, если уж очень попросят, много заплатят или щедро нальют.

Однако, в один момент нашелся некто, кто в здешней тайге разглядел черты мифического Эльдорадо. Не бывавший здесь почти с рождения, увезенный родителями в большой город, Василий Захаркин в 26 лет приехал проводить в последний путь деда и почившую за той же ночью, что умер дед, бабу. Оба его родителя, деда и бабушки сын и невестка, отдыхали в это время за границей и приехать, конечно, не могли. Василий явился, отбыл обряд, дал, кому надо было, денег за хлопоты, собрал поминки, еще раньше осмотрел дедов дом – добротный, хоть и старый, - глянул на зеленую хвою тайги – и задумался. После, на поминках, опросил осторожно местных, что знают они про леспромхоз, про его хозяев, про лесопилку – и решение пришло. Золотые стволы могучих сибирских сосен, показалось ему, способны обернуться если не золотыми, так хоть рублевыми миллионами. Если не щелкать клювом, конечно, и все сделать правильно и вовремя.

Василий уехал в город наутро после поминок, а через месяц вернулся с компаньонами и техникой. Старого хозяина леспромхоза он нашел в городе. Говорили они недолго. Тот занимался серьезным бизнесом, и лесные деляны у черта на куличках сидели бельмом на его глазу. Сделка свершилась к обоюдному удовольствию.

Василий проявил расторопность, реанимировал леспромхоз в короткие сроки, дешево нанял тех, кто еще мог работать и хотел копейку к пенсии, подороже – тех, которых привез с собой из города вместе с техникой. Леспромхоз заработал.

Василий все правильно рассчитал. Народ российский, а с ним и сибирский, начал массово бежать из большого города на землю – не ту, что уже ухожена и обжита, а заново обживаемую. Вокруг больших городов грибами росли поселки из коттеджей и просто хороших новых домов. Предпочтение отдавалось бревенчатым строениям, для которых нужен был хороший, выстоянный лес. Его и добывал, пилил, готовил Василий с компаньонами и рабочими.

Несколько лет прошло. Леспромхоз развивался, приносил доход. Василий Захаркин на месте старой дедовой усадьбы построил себе новый добротный дом из оцилиндрованных бревен, обработанных на собственной пилораме, окружил его деревянным же, ажурным забором, думал провести сигнализацию – и не стал: ну кто его здесь, в селе, которое он кормит, отважится грабить? Жил барином, но особо свое барство не показывал, деньги рабочим платил исправно, а если и куражился, так изредка, когда наезжали из города дружки. Тогда во дворе зажигалась иллюминация, всю ночь наяривала музыка, жарилось-парилось в тандыре и на мангале, все село вдыхало ароматы шашлыка и печеных овощей. Случалось такое нечасто и проходило без инцидентов. Захаркин был не из тех, кто «гнет пальцы» и на люди, напоказ хвастает своим достатком.

А потом наступили трудные времена – ударили коротко, зато чувствительно.

И вот здесь начинается история.

И был кризис.

И был клиринг.

Расшифрую. Кризис – это когда денег нет нигде, ни у предприятий, ни у людей. Ну, в общем, понятно: раз у предприятий нет – откуда у людей взяться деньгам?! Зарплату, было время, платили натурой. Колеса делаешь на шинном заводе – на тебе колеса, как ты их в деньги обернешь – твоя забота. Производишь майонез – да хоть залейся, ведрами бери, только отстань со своими дурацкими вопросами о деньгах. Что такое деньги? Тлен и прах. Сегодня есть – завтра вся получка куда-то девалась. Куда интереснее – майонез, его хоть продать можно... в обмен на колеса... В общем, такая вот эпоха настала натуральной экономики. Экономики, в натуре... Все предприятия рассчитывались натурой – и с работниками, и – это главное для сюжета! – друг с другом.

Василий Захаркин тоже стал жертвой кризиса. Спрос на дерево упал, и вовсе не потому, что стали меньше строить, а потому, что денег в обороте не стало. Родилась, по газетному говоря, система взаимозачетов. И вот – клиринг.

Клиринговую палату придумали так. Ты, владелец предприятия – большого, среднего или малого, неважно! – задолжал денег поставщику. А поставщик, в свою очередь, должен подрядчику. А подрядчик не знает – как рассчитаться с субподрядчиком? Закатываются рукава, ходят под скулами желваки, а точнее – нанимаются бандиты и... Ну, зачем нужно это правильной власти? Совсем не нужно. И вот – придумали. Цепочка заводится в клиринговую палату, и специально обученные люди, финансисты-экономисты, предлагают участникам разные варианты – как решить проблему? Ты должен партнеру столько-то миллионов? Ну, хорошо. А партнеру нужен трактор. А у тебя трактор есть, но тебе должен другой партнер еще миллионы. А у него – лес, который тебе на фиг не нужен. Но у того партнера – тоже должник, который ему должен, допустим, автомобиль по поставке стоимостью в два миллиона... В общем, я вас сейчас запутаю. А вот финансисты-экономисты клиринговой палаты говорят: нет проблем! Сейчас все разрулим. И разруливают. Твой партнер получает возжеленный трактор, ты получаешь лес, который тебе на фиг не нужен, а тот, кто поставил тебе лес, получает автомобиль, на котором кататься можно только по скоростным трассам Германии или Японии. Но так или иначе – разрулили, и все вроде довольны. По крайней мере, никто не в претензии, бандитов нанимать незачем, а уж как дальше сложится...

И вот – сюжет.

Василию Захаркину крепко задолжали – кто бы, вы думали? – энергетики! «Так бывает?!» - спросите вы. Оказывается, бывает. Так вышло, что, когда энергетика переходила на новые технологии и новые тарифы, а Край и Область делили потребителей, Захаркина в реестре потребителей помянули всуе. То есть – дважды. При этом счет ему приходил только от службы энерго Края, но в двойном размере. Как это вышло, до сих пор неизвестно. Главное – за энергию лесопилка в Таежном стала платить вдвое больше. Василий понял это не сразу, а когда понял – стал разбираться. И разобрался. И в результате разбирательства получилось, что энергетики должны вернуть ему, Захаркину, в качестве переплаты несколько миллионов российских рублей. Рублевые миллионы, в пересчете на международную валюту, тогда стоили немного, на разнице курсов зарабатывали в основном экспортеры, то есть те, кто свои дрова – древесину или что угодно еще – отправлял в другие страны. Но и на внутреннем рынке как-то нужно было существовать, и даже те гроши в рублях, что должны были Васе энергетики, можно было вложить в дело и тем самым дело продолжить.

Словом, приехал он в клиринговую палату. Долго разговаривали, ни к чему не пришли. Так получилось, что краевая клиринговая палата географически находилась в здании компании «Энерго». То есть в здании тех, кто должен был Захаркину миллионы российских денег. После неудавшихся переговоров он, недовольный, спустился в цокольный этаж, где располагался гараж «Энерго» и где стояла его машина – и вдруг замер. В двух парковочных местах от его «крузера» стоял роскошный кабриолет. Ярко-красный, скорее – вишневый, в салоне – кожа, в отделке – никель... На капоте красовалась лейба «ягуара». Василий судорожно сглотнул.

...Когда-то давно, еще в детстве, которое можно назвать ранним, у него в детском саду сперли игрушку. Откуда добыли ее родители, откуда привезли, Василий не помнил, да и не знал, да и знать ему было не обязательно. Игрушка была – вишневый «ягуар», двухдверный кабриолет, сверкающий краской и никелем, на капоте – крошечная дикая кошка в изящном прыжке. Ездил он, конечно, только когда его толкаешь, никаких дистанционных пультов еще не было. Но все равно – красота! Душу греет. Захаркин очень любил эту игрушку и, несмотря на предупреждения родителей, мысливших вполне трезво и понимавших – в какой стране и среди каких нравов они живут, все-таки в последнюю неделю своего посещения детского сада принес ее в группу – похвастать. Тогда и сперли.

Пока ходил в туалет. Пришел, хватился – игрушки нет. И никто не признался: круговая порука. Не то чтобы Васю не любили в садике – если и были его родители богаче других, так не намного, и садик был вполне бюджетный. А вот эта игрушка почему-то всех раздражила, и даже воспитатели поглядели на него косо и с осуждением – зачем принес? Ну, и поплатился.

Да так, что в состоянии нескончаемой истерики его увезли из садика на «скорой», отпаивали какой-то дрянью, утешали. Утешили и отпоили. Но в садик он больше не пошел.

А игрушка навсегда осталась в памяти, как остается в памяти первая, особенно не отвеченная, любовь.

И вот он – стоит, в натуральную величину, и отличается только количеством мест и дверей: их четыре. Ну, так даже лучше – не век же ему одному быть, случатся и жена, и дети.

Захаркин спросил охранника:

- Чья эта... красота?

- Шефа. Кузякина.

- Часто ездит?

Охранник пожал плечами:

- Купил с год назад, Может, раз выезжал...

Шеф Кузякин был как раз тот, кто никак не хотел вернуть Захаркину переплату за электроэнергию. Глава «Энерго», влиятельный человек. На влиятельность и упрямство главного энергетика Края Захаркину теперь было плевать. «Ягуар» въехал в его сердце сразу, с первого взгляда, всеми четырьмя колесами. Он снова на лифте поднялся в приемную генерального, сказал секретарше:

- Доложите, я кое о чем забыл сообщить вашему шефу – думаю, ему понравится.

Та ухмыльнулась откровенно – «кто ты, а кто он...», - но шефу по внутреннему позвонила, сказала:

- Здесь к вам опять этот... из Таежного... Захаркин. Говорит – что-то забыл.

Впустить?

«Вот ведь зараза! – подумал Василий. – Не «примете?», а – «впустить?»»

Положила трубку, кивнула на дверь:

- Ждет. Только недолго, у него сейчас начинается прием по личным вопросам – снесут и меня, и вас вынесут.

Захаркин еще раз подивился откровенной наглости секретарши: «Спит он с ней, что ли?» Вошел в кабинет. Кузякин встретил его стоя, выйдя из-за начальственного стола. И поза, и дежурная улыбка означали скрытое раздражение: «Ну, что еще?» С этого и начал:

- Василий Михайлович, мы же вроде договорились, пока у меня нет возможности расшить сложившуюся клинчевую ситуацию, пока нет схемы, которая позволила бы мне выполнить долговые обязательства перед вами. Я их не отрицаю, но дайте время. Обо всем этом мы только что говорили в клиринговой палате – что еще вы от меня хотите?

Захаркин не стал выдерживать театральную паузы, подхватил с порога:

- Да-да, Корней Гербертович, мы все обсудили, я со всем согласился. Но я не знал одного обстоятельства. Все ваши обязательства передо мной можно покрыть сегодня, за пару минут, одним росчерком пера.

Кузякин не понял. Захаркин стал объяснять... Еще через полчаса клерки клиринговой палаты принесли на подпись сторонам подготовленный договор, согласно которому автомобиль марки «ягуар», госномер такой-то, переходил из собственности компании «Энерго» (ясно же, что не Кузякину лично он принадлежал) в собственность юридического лица под названием «Леспромхоз «Таежный» в счет погашения долга. То есть – в собственность Василия Захаркина. Осталось только оформить соответствующие документы в ГИБДД, но это – минутное дело.

В Таежное Захаркин приехал уже на новом автомобиле. Старый «круизер» следом вел его заместитель.

Василию повезло с погодой: стоял жаркий, засушливый июль, для Сибири нечастый, и кабриолет об эту пору – экипаж самый подходящий. Он ехал не спеша, понимая, что машина – почти беспробежная, двигатель буквально в стадии обкатки, и давить на педаль газа лишний раз ни к чему. Накататься он еще успеет. Его все устраивало в новом приобретении. Кабриолет был четырехдверный, четырехместный, с автоматической пятиступенчатой коробкой. Нравились кожаные сиденья бежевого цвета, нравилась изящная приборная панель, нравилось... да все нравилось! Управлялся автомобиль легко и, хотя Захаркин привык больше к полному или переднему приводу, но и задний привод не доставлял особых хлопот. Правда, когда съехал с асфальта – в само село вела проселочная дорога, хотя и укатанная, но все же – не асфальт, - подумал мимоходом: «В распутицу, весной-осенью, на нем здесь, пожалуй, трудновато будет, дорожный просвет невелик, задний привод для скользкой дороги хуже, чем передний», - но мысль эта мелькнула и улетела, как не было. Больно уж хороша машина, чтобы думать о глупостях.

4

Покупка ценой в несколько миллионов требовала хорошего праздника. Так считал Василий Захаркин. И устроил праздник.

В ближайшие выходные после его счастливого приобретения в Таежное съехались друзья. Все было, как случалось прежде: тандыр-мангал, шашлыки, хорошая музыка, приличная выпивка. Посреди двора, вымытый и смущенный, стоял сверкающий «ягуар» для всеобщего обозрения. Гости ходили вокруг, оценивали, поздравляли хозяина... Наконец, один из друзей не выдержал:

- Вася, я все понимаю – хорошая машина, отличная даже. Но вот ты по этим осклизлым дорогам, на лесосеки свои, да просто даже по деревне, - ты вот как будешь ездить? – друг отхлебнул и покачнулся.

Захаркин повертел рюмку, трезво ответил:

- Для лесосек у меня внедорожники есть, а по деревне что ж не ездить? Я дорогу сам недавно отсыпал.

И оживился:

- А не хочешь прокатиться? За рулем? Небось, никогда такую машину не водил.

Друг подумал.

- Разные водил и вожу, но в такой вот даже не сидел ни разу. У тебя же гаишников здесь нет, в деревне? А давай!

В четырехместный кабриолет набилось восемь человек, больше не влезло. Машина с места взяла, как антилопа, Захаркин – он сел рядом с водителем – даже испугался:

- Ты не очень! Все-таки не магистраль.

- Фигня, Вася! – восторженно поднял палец друг – и вдавил педаль газа. Гравий брызнул из-под колес.

Покатались всласть. По мостику через речку Таежную проезжали раз пять.

А шестой оказался неудачным.

- Смотри, Вася, - закричал вдруг водитель, - смотри, какой закат офигенный! – и показал рукой в сторону. Пьяный восторг светился в его глазах шире заката.

Отреагировать Захаркин не успел. «Ягуар» лягнул задним приводом отсыпанную дорогу, снес деревянное ограждение мостика – и сиганул в реку.

...Мостик в селе Таежном невысок, метра два с половиной. А вот река глубже.

Несмотря на жаркий июль. Никто насмерть не убится – так, синяки-ушибы. Выбирались, кто матерясь, кто молча. На берегу отдышались. Друг, сидевший за рулем, потерянно отирал со лба кровь, спрашивал – заискивал:

- Вася, ты прости... но, может, трактор? Машина-то жива, вон лежит...

Захаркин печально посмотрел на него:

- Ладно. Ты-то при чем? Моя... игрушка.

И вдруг отчаянно махнул рукой:

- Ребята, давайте... по домам... ладно?

Так, в общем, и закончилась эта история.

Захаркин... Ну что – Захаркин? Сначала запил с горя, потом опомнился, сказал, что ездить-ходить каждый день мимо могилы погибшего друга не сможет, но и извлекать машину никому не позволил. В селе за спиной крутили у виска – чудак! – но и нарушить запрет не посмели.

Бизнес свой Захаркин продал, усадьбу отдал продавцу бонусом и окончательно вернулся в город. Новый владелец с леспромхозом справиться не сумел, скоро разорился, и село снова вернулось в прежнее состояние. Пьют, а иногда, когда не лениво, воруют. Перила моста починили, а местный стихотворец придумал такую вот эпиграфю – про «ягу».

Что ж – нельзя было поднять машину? Отмыть, починить, привести в порядок... Нормальный же вопрос, естественный.

Ответом на него будет только горькая ухмылка Василия Захаркина. Он покачает головой, махнет рукой неопределенно:

- Была в детстве игрушка – ее украли. Вернулась в молодости – ее угробили. Не случайно все.

Не случайно...

В городе у Захаркина – тоже бизнес. Он теперь занимается энергетикой, как сам выражается – «на сетях сидит». Ведает подключениями к энергосистеме. Изредка звонит ему партнер:

- Привет, Вася! Кузякин это. Ну что – может, отдохнем в выходные? В глубинку куда, на озера... в Таежное, может, махнем? Помянем старого друга!

Захаркин сердится, но виду не подает, вроде откликается на шутку:

- Давай! Только меняемся: я тебе моего старого друга, ты мне – долг за переплату.

Смеется Кузякин.

5.09.2018